

УДК 821.112.2-31(430)
ББК 84(4Гем)-44
Я46

Серия «Семейный узор»

Anne Jacobs
DIE TUCHVILLA

Печатается с разрешения автора
и издательства Penguin Random House Verlagsgruppe GmbH

Перевод с немецкого *Ольги Протопоповой*
Оформление обложки *Александра Воробьева*

Якобс, Анне.

Я46 Девушка с характером: [роман] / Анне Якобс; — [перевод с немецкого Ольги Протопоповой]. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 480 с. — (Тайны старого города).

ISBN 978-5-17-155555-9

1913 год. Немецкий город Аугсбург. Воспитанница сиротского приюта Мари устраивается служанкой на виллу богатого промышленника Мельцера. Большой особняк с многочисленными слугами живет по своим правилам, и Мари пытается найти там свое место. На первый взгляд Мельцеры кажутся идеальной семьей, но, несмотря на внешнее благополучие, у них есть свои тайны. На вилле кипят страсти, плетутся интриги, вспыхивает любовь. После знакомства наследника семейства Пауля с красавицей Мари мир в доме оказывается под угрозой. И никто не знает, какие планы вынашивает глава семейства, взяв в дом сироту...

УДК 821.112.2-31(430)
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-155555-9

© 2015 by Blanvalet Verlag, a division
of Penguin Random House Verlagsgruppe
GmbH, München, Germany
© Протопопова О., перевод, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2024

I.

АУТСБУРГ, ОСЕНЬ 1913

I

Миновав ворота Святого Якова, она замедлила шаг. Здесь, в восточной своей части, город жил совершенно иной жизнью. Это был не полусонный тесный мирок переулков Нижнего города, а грохочущий и жестокий мир производства. В долине меж ручьев располагались многочисленные фабрики. Подобно средневековым крепостям, каждая была обнесена стеной, чтобы оградить территорию от посторонних, а рабочих держать в поле зрения. Внутри этих крепостей непрерывно шумело и вибрировало, трубы выбрасывали черный дым, в цехах день и ночь грохотали станки. Мари знала не понаслышке: тот, кто здесь работал, постепенно превращался в серый булыжник, глухой от рева машин, слепой от клубящейся пыли, немой от пустоты в голове.

Это твой последний шанс!

Мари остановилась и против солнца посмотрела в направлении текстильной мануфактуры Мельцера. Некоторые окна в утреннем свете озарялись сполохами, как во время пожара, стены были серыми, а за стеклами окон внутри фабрики все казалось почти черным. Ярким контрастом на фоне этого здания выделялась стоявшая поодаль вилла из красного кирпича — настоящий замок Спящей красавицы посреди парка.

Последний шанс! Интересно, почему фрейлейн Папперт повторила это вчера трижды? Как будто, получи Мари сегодня отказ, ей остались бы только тюрьма или смерть. Девушка хотела получше разглядеть прекрасное здание, однако его контуры расплывались перед глазами, сливаясь с лужайкой и деревьями парка. Что неудивительно, ведь Мари еще не оправилась от болезни: три недели назад у нее пошла горлом кровь. Кроме того, сегодня утром она от волнения практически не ела.

«Ну что ж, — подумала Мари. — По крайней мере, это красивый дом, и там я должна буду заниматься не шитьем, а чем-то другим. А если они погонят меня на фабрику, я просто убегу. Никогда в жизни я не стану больше изнурять себя по двенадцать часов в день, обслуживая черную замавленную машину, которая вечно рвет нитки».

Она поправила на плече узелок с вещами и медленно пошла ко входу в парк. Старомодные железные ворота с ковкой в виде переплетающихся цветов были гостеприимно распахнуты. Вдоль парка вилась подъездная дорожка, которая заканчивалась мощеной площадкой с круглой цветочной клумбой посередине. Вокруг никого не было, но на близком расстоянии вилла внушала определенный трепет, особенно портик с колоннами высотой в два этажа. Колонны поддерживали каменный балкон — вероятно, с него владелец фабрики обращался к своим рабочим в канун Нового года. Они благоговейно взирали на него и на его укутанную в меха супругу. Возможно, по праздникам им доставался бесплатный шнапс или пиво. Уж во всяком случае, не шампанское — игристые вина хозяин, наверное, пил в кругу семьи.

Вообще говоря, Мари не хотелось здесь работать. Она посмотрела на проплывающие мимо облака, и ей показалось, что высокое кирпичное здание надвигается на нее и вот-вот раздавит. Однако эта работа — ее последний шанс. То есть, по сути, выбора у нее нет. Мари изучающе посмотрела на фасад. По обеим сторонам от портика располагались входные двери. Они предназначались для прислуги, через них же, видимо, принималось все, что доставляли в особняк.

Пока она думала, к которой из дверей пойти, сзади послышался шум автомобильного двигателя. Темный лимузин с грохотом проехал мимо нее. Отшатнувшись, она смогла разглядеть лицо водителя. Он был еще молод, на голове красовалась голубая фуражка с козырьком и золотистой кокардой.

«Ага, — подумала она. — Сейчас он заберет хозяина и отвезет его в контору. Хотя фабрика совсем близко. Минут десять пешком максимум. Но такой богатый господин не ходит пешком, ведь его дорогие туфли и пальто могут испачкаться».

Она с любопытством и некоторой неприязнью смотрела на вход за колоннами, где как раз открывались двери. Показалась горничная в темном платье и светлом переднике, на гладко зачесанных волосах был белый чепчик. Вслед за ней вышли две дамы, облаченные в длинные, отороченные меховыми воротни-

ками пальто: на одной — темно-красное, на другой — светло-зеленое. Шляпы представляли собой нечто сказочное с цветами и вуалью. Когда дамы садились в машину, мелькнули изящные ботиночки коричневой кожи. За дамами следовал господин — нет, это был не директор фабрики, слишком уж молод. Может быть, муж одной из дам? Или сын хозяина? Он был одет в короткое дорожное пальто коричневого цвета и нес в руке сумку, которую небрежно поставил на крышу автомобиля, прежде чем сесть внутрь. А как глупо прыгал вокруг них водитель, распахивая двери и предлагая дамам руку, словно они без его помощи не сумели бы сесть в мягкий салон машины. Определенно, эти дамы были сделаны из сахарной ваты. Под проливным дождем они бы растаяли, и их бы смыло. Как жаль, что сегодня не шел дождь.

Когда дамы и господин уселись в машину, шофер провез их вокруг клумбы, засаженной красными астрами, розовыми георгинами и сиреневым вереском. Совершив неспешный разворот, машина загрохотала в направлении выезда. Она настолько близко проехала мимо Мари, что ступенькой коснулась ее развевающейся на ветру юбки. Серый взгляд мужских глаз скользнул по Мари с нескрываемым любопытством. Молодой господин сидел без шляпы, у него были небрежно взлохмаченные волнистые волосы и светлые усики, и по виду он напоминал студента. Он улыбнулся Мари, затем наклонился вперед и что-то сказал даме в красном, от чего все трое засмеялись. Может, они потешались над плохо одетой девушкой или над ее узелком? Мари почувствовала боль в груди. Она переборола желание развернуться на месте и убежать обратно в сиротский приют. У нее не было выбора.

В нос ударил запах бензина и разогретой резины, вызвав у Мари приступ кашля. Решительно обогнув клумбу, она поднялась на крыльцо и, взявшись за черный железный молоточек, постучала. Никакой реакции. Наверное, все заняты — было около десяти утра. Она постучала еще раз — снова напрасно — и уже собралась было просто открыть дверь, когда наконец услышала шаги.

— Ах ты, господи, новенькая пришла. Почему ей никто не откроет? Девочка боится зайти...

Голос был молодой и чистый. Мари узнала в ней горничную, которая только что отворяла двери для дам. Белокурая и розовощекая, кровь с молоком, на широком лице невинная улыбка.

По всему было видно, что родом она из окрестных деревень, а никак не городская.

— Проходи. Нечего стесняться. Ты Мари, да? А я Августа. Вторая горничная. Уж год как.

Она явно этим гордилась. Ах, какой дом! Они держали двух горничных! У прежнего хозяина Мари все приходилось делать в одиночку — и готовить, и стирать.

— Здравствуй, Августа. Спасибо тебе за гостеприимство.

Мари спустилась по ступенькам вниз и оказалась в тесном коридоре. Как странно. Снаружи ей показалось, что на вилле очень много окон, однако во флигеле для прислуги было так темно, что буквально не видно, куда ставишь ногу. Наверное, глаза еще не привыкли к мраку после спящего утреннего солнца.

— Вот кухня. Повариха угостит тебя кофе с булочкой. Выглядишь, как будто недоедаешь...

И правда. По сравнению с ядреной, пышущей здоровьем Августой Мари напоминала привидение. Она всегда была худой, но после болезни щеки совсем ввалились, ключицы выпирали. Зато глаза казались вдвое больше, а непокорные светло-каштановые волосы стали напоминать веник. Во всяком случае, так вчера вечером сказала фрейлейн Папперт. Она заведовала сиротским приютом Семи мучениц, да и сама выглядела, словно на себе испытала все семь страданий. Однако это ничего не меняло: Папперт была злобной ведьмой и в прошлой жизни, должно быть, жарила в аду грешников. Мари ненавидела ее лютой ненавистью.

Кухня оказалась настоящей обителью. Теплая, светлая и полная вкусных запахов. Помещение, которое поведало Мари о сочной ветчине, свежем хлебе и сладкой выпечке, изысканных паштетах, курином супчике и говяжьим бульоне. Бульоне с ароматом тимьяна, розмарина и шалфея. Укропа и кориандра, гвоздики и муската. Мари стояла перед дверью и не могла отвести глаз от стола, за которым возилась повариха. Только сейчас Мари почувствовала, как холодно было на улице, и задрожала. Как прекрасна была перспектива сесть с чашкой кофе с молоком возле печи, ощутить ее тепло и, неспешно прихлебывая горячий кофе, вдохнуть запах изобилия.

Громкий крик заставил ее вздрогнуть. Это была немолодая миниатюрная женщина, она вошла в кухню с другой стороны и отпрянула при виде Мари.

— Дева Мария! — простонала она и прижала руки к груди. — Вот она! Помоги нам, боже! Точно как во сне. Господи Иисусе Христе, защити нас от всякого зла...

Она прислонилась к стене, задев медную кастрюлю, которая с грохотом упала на кафельный пол. Мари застыла от ужаса.

— Вы совсем спятили, Йордан? — недовольно проговорила повариха. — Ронять мою любимую кастрюлю для супа. Не дай бог на ней теперь вмятина или трещина.

Миниатюрная женщина, которую повариха только что назвала «Йордан», и ухом не повела. Тяжело дыша, она отодвинулась от стены, запустила пальцы в прическу, украшенной черной вуалью. Черными были также ее блузка и юбка, на блузке красовалась маленькая брошь — оправленная в серебро камеш с изображением изящной женской головки.

— Ничего... ничего, — прошептала она и взялась за виски, как при головной боли. Мигрени бывали только у господ, у прислуги это называлось обычной головной болью, и случалась она от пьянства и от безделья.

— Опять прислонилась чего, а? — заворчала повариха и выудила из-под стола кастрюлю. — Однажды вы прославитесь с вашими снами. И тогда кайзер позовет вас к себе предсказывать ему будущее.

Она громко рассмеялась, смех немного напоминал бляение козы. Ехидный, но не злой.

— Да оставьте вы свои дурацкие шутки, — отмахнулась Йордан.

— Но если вам все время снится несчастье, — невозмутимо продолжала повариха, — кайзер не захочет вас у себя видеть!

Мари стояла, прислонившись к стене, сердце бешено колотилось, и внезапно ей стало плохо. Женщины не обращали на нее внимания, а Йордан сообщила, что молодая барышня желает чай с печеньем и что поварихе следует поторопиться.

— Молодой барышне придется потерпеть, мне сначала нужно воду вскипятить.

— Вечно одно и то же. На кухне возитесь вы, а отчитывают меня.

Мари показалось странным, что говорить стали более напряженно, но при этом тише. Возможно, все дело было в свисте, который заглушал все остальные звуки. Разве кухарка не сказала минуту назад, что ей нужно вскипятить воду? Почему же чайник уже засвистел?

— Возитесь? — услышала Мари голос поварахи. — Мне надо обед приготовить, сладкий пирог да еще ужин на двенадцать персон. И я одна, потому что эта дурочка Гerti сбежала. Если бы не Августа... Боже правый!

— Пресвятая Дева Мария, вот так подарочек!

Мари вдруг захотелось сесть, но было поздно. Серо-коричневый кафель кухонного пола внезапно покачнулся, все стало черным. Наступила тишина. Мари ощутила себя приятно легкой, почувствовала парение в мягкой, нежной темноте. Лишь глупое сердце стучало и колотилось, сотрясало все ее тело и вызывало дрожь. Она не могла этому противостоять, руки скрутило спазмом, зуб на зуб не попадал.

— Только этого нам не хватало. Припадочная. Уж лучше Гerti с ее любовными историями...

Мари не смела открыть глаза. Должно быть, она упала в обморок. Такого с ней не случалось с того дня, как пошла кровь. Неужели снова кровохарканье? Господи, только не кровохарканье! В тот день она ужасно испугалась. Из рта вдруг хлынула кровь. Много. Так много, что она была не в состоянии встать.

— Прекратите болтать глупости, — оборвала Йордан поварахи. — Девочка абсолютно истощена, не удивительно, что она падает в обморок. — Вот, возьмите-ка чашку.

Чьи-то шершавые руки взяли Мари за подмышки и усадили. На губах она ощутила теплый край чашки, от которой пахло кофе.

— Пей, девочка. Это поставит тебя на ноги. Давай помаленьку.

Мари поморгала. Прямо перед собой она увидела лицо поварахи — некрасивое, потное, но доброе. Сзади Мари распознала тонкую темную фигуру Йордан. На черной блузке блестела серебряная брошка, на лице читалось отвращение.

— Что вы с ней нянчитесь? Если она больна, фрейлейн Шмальцлер все равно ее не примет. И хорошо. Очень хорошо. Она принесет несчастье, если останется здесь. Большое несчастье принесет она в дом, я знаю...

— Давайте наливайте чай, вон вода кипит.

— Это не моя обязанность!

Мари все же решила сделать несколько глотков кофе. Она не хотела подводить добрую повараху. И, к счастью, кажется, во рту не было вкуса крови.

— Ну что, — удовлетворенно пробормотала повариха, — получше?

Мари затошнило от крепкого горького напитка. Она уронила голову на грудь и с трудом улыбнулась.

— Получше... Спасибо за кофе...

— Полежи еще. Немного погодя дам тебе чего-нибудь сытного.

Мари послушно кивнула, хотя при мысли о сдобной булочке или даже курином супе у нее свело желудок. Оказалось, служанки уложили ее на одну из деревянных скамеек, на которых они сидели за столом. Мари стало стыдно за этот обморок. Женщинам пришлось поднимать ее и укладывать на скамейку. И потом эти рассуждения Йордан. Вероятно, с головой у нее было не очень. Она, Мари, припадочная и принесет в дом несчастье? Все как раз наоборот. Скорее, вила сулила Мари несчастья, и она столкнулась с ними в первый же день, а это давало почву для размышлений. И пусть ей дали последний шанс — Мари ни за что здесь не останется. Ни за деньги, ни за добрые слова.

— Вы что творите? — закричала кухарка. — Чайник никогда не наливают доверху. Боже праведный! У вас все выльется, и госпожа обвинит меня.

— Если бы вы делали свою работу как полагается, этого бы не случилось. Я здесь, в конце концов, для другого. Я горничная, а не кухонный клоп!

— Клоп? У вас спесь из всех щелей так и прет. Спесь и глупость.

— Что у вас там происходит? — послышался голос Августы. — Госпожа уже трижды спрашивала свой чай и совсем не в восторге. И требует Йордан срочно наверх...

Мари заметила, что и без того бледное лицо горничной стало еще бледнее. Сама она уже могла поднять голову, тошнота прошла.

— Я так и знала, — мрачно проворчала Йордан. Шурша юбкой, она поспешила к выходу, по пути пригвоздив Мари взглядом. Так обычно смотрят на опасное насекомое.

2

Элеонора Шмальцлер была статной дамой. Сорок семь лет службы в этой семье посеребрили ее виски, но осанка сохранилась молодой. В Померании Элеонора служила камеристкой у госпожи Алисии фон Мейдорн. После замужества Алисии она вслед за своей хозяйкой переехала в Аугсбург. Вообще брак Алисии с сыном провинциального учителя, а ныне фабрикантом Иоганном Мельцером был мезальянсом. Иоганн, выйдя из низов, добился больших успехов. Благородное семейство фон Мейдорнов, напротив, обнищало. Оба сына стали офицерами и только тратили, поместье в Померании погрязло в долгах. Кроме того, Алисия засиделась в девках: к моменту обручения ей было около тридцати. А ограниченная с детства подвижность лодыжки после неудачного падения с лестницы дополнительно сужала ее перспективы на рынке невест.

Обязанности экономки в новом доме Элеонора Шмальцлер поначалу выполняла лишь время от времени. Но Алисия не доверяла местному городскому персоналу. Эти люди, по ее мнению, в основном думали о своей выгоде, а не о благе хозяев. Двоих дворецких и одну экономку Алисия уволила спустя короткое время. Элеонора Шмальцлер в отличие от них с первого же дня проявила себя блестяще. В ней сочетались привязанность к хозяйке и природный дар руководить. Те, кто служил в имении, должны были усматривать в том привилегию, которая давалась не каждому, и нужно было демонстрировать такие качества, как добродетель, честность, усердие, немногословность и лояльность.

Было около одиннадцати утра. Госпожа и молодая барышня Катарина вот-вот должны были вернуться. Молодого господина отвезли на вокзал — он уже несколько лет изучал юри-

спруденцию в Мюнхенском университете. Затем мать с дочерью поехали к доктору Шляйхеру. Эти визиты к врачу длились не более получаса. Элеонора Шмальцлер считала их, скорее, бесполезными, но госпожа возлагала на врача большие надежды. Картина в свои почти восемнадцать лет страдала бессонницей, сильными головными болями, неврозами.

— Августа!

Услышав шаги, экономка определила, что это горничная. Августа осторожно распахнула дверь. На правой руке она удерживала маленький серебряный поднос с чайной чашкой, сливочником и сахарницей.

— Да, фрейлейн Шмальцлер?

— Ей лучше? Тогда пошлите ее ко мне.

— Будет сделано, фрейлейн Шмальцлер. Она хорошо себя чувствует. Милая маленькая девочка, но ужасно худая, и потом, у нее нет...

— Я жду, Августа.

— Сию минуту, фрейлейн Шмальцлер.

С каждым нужно разговаривать особым образом. Августа была исполнительной, но недостаточно умной. И, кроме того, болтливая. Однако в горничные ее взяли именно благодаря рекомендации Элеоноры Шмальцлер. Августа была честной и преданной семье. Бывали девушки, поначалу готовые послужить в имении, которые, однако, через несколько месяцев бросали работу. Августа так никогда бы не поступила, она держалась за свое место на вилле, она им гордилась.

Дверь скрипнула, когда новенькая осторожно ее отворила. Экономка взглянула на тонкое бледное лицо, на огромные глаза. Темные волосы были заплетены в косу, из которой по всей длине выбивались непокорные прядки. Так вот она какая. Мари Хофгартнер, восемнадцать лет. Сирота. Скорее всего, незаконнорожденная, до двух лет жила со своей матерью, после ее смерти оказалась в приюте Семи мучениц. Тринадцати лет была отдана прислугой в Нижний город, сбежала оттуда спустя четыре недели. Две другие попытки прижиться в качестве служанки тоже оказались неудачными, швеей при модистке она выдержала год, потом полгода на текстильной фабрике Штейерман. Горловое кровотечение три недели назад...

— Здравствуй, Мари, — произнесла Элеонора с натужной приветливостью, обращаясь к маленькому жалкому существу перед ней. — Тебе лучше?

Карие глаза очень внимательно посмотрели на нее, под этим пытливым взглядом экономка почувствовала себя неуютно. Или девочка была совсем глупой, или как раз наоборот.

— Спасибо. Мне лучше, фрейлейн Шмальцлер.

В малышке чувствовался стержень. Она была не из тех, кто ноет. Только что она лежала в кухне на полу без сознания — так доложила Йордан, а сейчас уже стоит здесь как ни в чем ни бывало. Йордан утверждает, что у нее эпилепсия. Но эта часто болтает глупости. Элеонора Шмальцлер никогда не доверяла словам подчиненных. Полагаясь на свой острый ум, она позволяла себе — хоть и тайком — критически относиться даже к словам хозяев.

— Прекрасно, — сказала она. — Нам нужна помощница на кухне, и тебя рекомендовала фрейлейн Папперт. Ты уже работала на кухне?

Собственно, вопрос был излишним, она просмотрела трудовую книжку и свидетельства Мари, которые вчера доставил курьер.

Взгляд девушки скользнул поверх небольшого дивана, по книжным полкам, уставленным книгами и папками, на мгновение задержался на зеленых, в крупную складку, оконных портьерах. Богато обставленная комната, в которой экономка была хозяйкой, кажется, произвела на девушку впечатление. По тому, как Мари коротко моргнула, стало понятно, что она заметила на письменном столе свои документы. В таком случае зачем она спрашивает, говорил ее взгляд. Она же все прочла.

— Я трижды помогала в домах по хозяйству, готовила, стирала, разносила еду и присматривала за детьми. Кроме того, в приюте нам постоянно приходится чистить овощи, носить воду и мыть посуду.

Нет, она ни в коем случае не была глупой. Элеонора Шмальцлер не любила слишком умных в своем подчинении. Такие думали лишь о своей выгоде, а не о благе дома. А еще умело подворовывали, и экономка с неохотой вспомнила одного дворецкого, который несколько лет припрятывал красное хозяйское вино, а затем продавал его. Она до сих пор не могла себе простить, что так долго позволяла этому жулику водить себя за нос.

— В таком случае ты быстро вступишь в свои обязанности, Мари. На кухне ты будешь в подчинении у нашей поварахи фрау Брунненмайер. Другие работники тоже могут давать поручения,

и ты будешь обязана их выполнять. Я говорю это, поскольку ты, как я вижу, не работала раньше в таком большом поместье.

Она на мгновение замолчала и изучающе посмотрела на девушку. Слушала ли та ее? Мари стояла, устремив взгляд на рисунок, выполненный углем, он висел в раме над письменным столом. Подарок молодой барышни Катарины. На прошлое Рождество она благодетельствовала прислугу, каждому подарив рисунок. На том, что висел здесь, были изображены цеха, треугольники крыш, остекленных с северной стороны.

— Тебе нравится картина? — с иронией спросила экономка.

— Очень. Всего-то пара штрихов, но сразу понятно, что изображено. Мне бы тоже хотелось так уметь.

В карих глазах этой девчонки были видны восхищение. Даже слабая улыбка мелькнула на лице. Экономка сразу подобралась, тема нереализованных желаний была для нее весьма чувствительной, этот груз она тащила с собой вот уже шестьдесят лет. Однако ничто так не вредит столь необходимому для работы душевному спокойствию, как подобные сантименты.

— Оставь рисунки молодой госпоже. Тебе, Мари, многому придется здесь научиться. Прежде всего на кухне, где готовят еду. Но и другому, например, — обхождению с хозяевами. Мы управляем большим поместьем, часто устраиваем ужины и более важные приемы, раз в год организуем бал. Для всех этих многолюдных мероприятий у нас приняты четкие правила.

Только теперь на лице девушки промелькнула некоторая заинтересованность. При всей своей сметливости она все же казалась довольно наивной и мечтательной. Вполне возможно, она читала бульварные романы и верила, что мир полон романтических любовных бурь.

— Вы говорите о настоящих балах? С танцами, музыкой и прекрасными дамскими туалетами?

— Именно об этом я и говорю, Мари. Однако многого ты не увидишь, твое рабочее место внизу, на кухне.

— Но... но ведь нужно разносить еду...

— На больших праздниках еду сервируют мужчины. И это ты тоже должна будешь усвоить. Перейдем к практическим вопросам. Для начала я утверждаю тебя на один квартал с жалованьем в двадцать пять марок. Их тебе будут выплачивать в два приема. Десять марок по истечении месяца, остаток — через два месяца. Разумеется, если ты себя хорошо проявишь.

Она сделала небольшую паузу, чтобы посмотреть на эффект сказанного. Мари оставалась равнодушной. Алчной она, кажется, не была. Прекрасно. Большого на должности помощницы кухарки и не полагалось.

— Тебе выдадут два простых платья и три фартука. Вещи ты должна содержать в чистоте и порядке и носить ежедневно. Волосы будешь надежно перевязывать косынкой, руки всегда должны быть чистыми. Носки и обувь твои. Как у тебя с бельем? Покажи-ка.

Девушка развязала узелок. Выяснилось, что и с бельем дела обстоят плохо. Где, собственно, деньги, которые были собраны во время праздника для сиротского приюта? У девушки две сильно ношенные рубашки, одни чулки на смену, дырявый шерстяной подъюбник и несколько пар заштопанных носков. Второй пары обуви нет.

— Мы посмотрим. Если докажешь свою состоятельность. Рождество не за горами.

К праздникам персоналу полагались подарки, в основном ткань на платье, кожа на обувь или хлопчатобумажные носки. Прислуге, приближенной к хозяевам, дарили небольшие семейные сувениры — часы, картины или что-то подобное. В случае с Мари, при условии, что она это заслужит, можно кое-чего добавить. Ей было нужно шерстяное пальто и теплая шаль. Экономка вновь гневно подумала о сиротском приюте. Даже шали у девочки не было, администрация во всем полагалась на нового работодателя.

— Спать будешь наверху, на четвертом этаже, в комнатах для прислуги. Свою спальню ты будешь делить с Марией Йордан.

Мари начала было связывать свой узелок, но теперь испуганно остановилась.

— С Марией Йордан? Камеристкой? Которая носит брошку с женской головкой?

Элеонора Шмальцлер была в курсе, что Мария Йордан не самая приятная соседка. Но новенькая была не в том положении, чтобы высказывать пожелания.

— Ты с ней уже познакомилась. Мария Йордан уважаемая в этом доме персона. Ты еще узнаешь, что камеристка пользуется особым доверием госпожи, поэтому и занимает довольно высокое положение.

Собственно, она и сама время от времени завидовала Йордан, которая была не только камеристкой хозяйки, но прислуживала